

СОЧЕТАНИЕ СОВМЕСТНОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО В ПЕДАГОГИКЕ А.С. МАКАРЕНКО

Владимир Морозов,
директор Центра
внешкольной работы
им. А.С. Макаренко,
кандидат
педагогических наук

Октябрь 1917 года разрушил устои сложившегося бытия. Гражданская война, голод, разруха и бандитизм, захлестнувшие страну, породили 7-миллионную армию беспризорных детей, лишённых родителей, домашнего очага, жизненных ориентиров. Противное детскому естеству насилие постепенно становилось нормой их жизни.

По педагогическим меркам тех лет беспризорные дети и подростки, а также несовершеннолетние правонарушители подводились под категорию *дефективных*, или, как их тогда называли, — «отягощённых дурной наследственностью и неспособных к восприятию моральных норм, выработанных обществом». В газетах нередко появлялись такие материалы: «Беспризорные подростки не дети, которых необходимо воспитывать в социальных добродетелях. Это недоразвитые люди, которые свои богатые способности тратят на антисоциальную борьбу для своего существования». Или: «Вопрос борьбы с беспризорностью не столько вопрос физического и нравственного спасения беспризорных, сколько вопрос организации защиты остальных детей от разлагающего влияния беспризорных» (полтавская газета «Голос труда»). По статистическим данным Наркомпроса РСФСР, за 1922 год из 277 учебно-воспитательных учреждений для социально запущенных детей и подростков 169 было для морально-дефективных. В учреждения для «морально-дефективных» направлялись не только совершившие правонарушение или беспризорные дети, но и так называемые «трудные» учащиеся. Поводом для зачисления в такое учреждение могли послужить грубость, упрямство, ложь, курение, недисциплинированность, шалость и др.

Дети оказались самой незащищённой частью общества. «Вернуть детям детство!», «Все на помощь детям!» — на эти лозунги откликнулись лучшие представители российской интеллигенции. В конце 1918 года в Полтаве создаётся первая общественная организация — «Лига спасения детей» под руководством писателя и публициста В.Г. Короленко. Члены «Лиги» собирали средства для оказания помощи беспризорным, создавали детские сады, приёмы, колонии, санатории, в которых детей кормили и лечили. Благодаря этим усилиям удалось спасти тысячи обездоленных детей.

Одним из активных участников «Лиги спасения детей» была Екатерина Дмитриевна Кускова. Её статья «Беспризорная Русь», опубликованная за рубежом в 1929 году, имела большое значение для осознания природы беспризорности и причин, породивших это страшное социальное явление. Сердца многих истинных патриотов и защитников детства того времени беспокоил вопрос: как спасти «беспризорную» Русь? Пыталась найти на него ответ и Е.Д. Кускова, стремившаяся понять глубинный смысл происходивших в стране событий. Вот одно из её высказываний тех лет: «Конечно, всякие гражданские и империалистические войны роят беспризорных — и взрослых, и детей. Но ещё более губительно действует политика самого государства, не соответствующая нормальным условиям его развития. Так, разорение крестьянства — его непосильные тяготы — является постоянным источником выделения беспризорных детей, не имеющих возможности прокормиться около плодovitого, но нищего крестьянского двора. Так, разрушение ремесленного производства выбросило на улицу не только «хозяйчиков», но и их учеников. А ведь известно, как много бездомных сирот поглощал класс ремесленников, играющих столь большую роль в обучении детей, в подготовке из них ценных для общества квалифицированных рабочих. В «Лиге спасения детей» нам чаще всего приходилось сталкиваться с этим деклассированным элементом:

— Откуда ты?
 — Из деревни... А в городе давно уж.
 — Где же ты жил?
 — У сапожника, учился.
 — Почему же бросил учебу?
 — Ему, знаешь, хозяйину-то, не доз-
 волили заниматься ремеслом... Он и ру-
 шился, а я с ним — за компанию...

Сапожник «рушился», и он с ним.
 Рушились портнихи — множество дево-
 чек очутилось на улице. Рушились боль-
 шие и маленькие
 ремесленные масте-
 рские с их хозяе-
 вами, подмастерья-
 ми и учениками.
 Рушился весь этот
 строй производства
 с огромной частной
 инициативой
 и предприимчивос-
 тью и с огромной
 же приспособляе-
 мостью к самым
 оригинальным рос-
 сийским условиям,
 к особенностям её
 рынка...»¹

Беспризорники. Фото из
 журнала «Прожектор».
 1924 г.

С марта 1919 года на Полтавщине
 закипела работа по устройству колоний
 и приютов для детей из России. По этому
 случаю В.Г. Короленко сделал заявле-
 ние, где высказался за то, чтобы разви-
 вать дело защиты детей «на основании
 терпимости, братства, отсутствия нацио-
 национальной исключительности... нужно стре-
 миться к тому, чтобы путём дружной ра-
 боты установить известную близость
 и общность колоний местных и россий-
 ских, христианских, еврейских и мусуль-
 манских. И нужно, чтобы население ви-
 дело эту общность и само проникалось
 духом солидарности и братства... Для
 розни и споров поле и без того слишком
 широкое»².

Это и был тот случай, когда писа-
 тель, сталкиваясь с националистически-
 ми настроениями даже в отношении рус-
 ских детей, всегда поднимал голос протес-
 та против подобного.

К концу 1919 года на Полтавщине
 нашли приют более 9 тысяч 300 детей,
 прибывших главным образом из Москвы.
 В мировой практике это были первые
 детские колонии такого рода. И характер
 их определяла сама жизнь, не дававшая
 детям никаких поблажек. Составленные
 из разновозрастных групп, нацеленные
 не только на обучение, но главным обра-
 зом на выживание детей, эти колонии
 были действительно трудовыми: благо-
 творную школу труда в них проходил
 каждый из воспитанников. Владимир Га-
 лактионович был сильно тронут, когда
 в один из дней его рождения ребята при-
 слали ему со своего подсобного хозяйст-
 ва целый воз отборных овощей и укра-
 шенных лентами гуся и утку. В конце
 мая — начале июня 1920 года большая
 группа спасённых на Полтавщине детей
 отправилась домой в Россию. А с конца
 1920 года страна погружается во мрак
 невиданного голода.

«В двадцатом году, — вспоминает
 Макаренко, — мне дали колонию для
 правонарушителей... Моё положение бы-
 ло очень тяжёлым...» Не случайно одна
 из первых глав «Педагогической поэмы»
 так и называется «Бесславное начало ко-
 лонии». Ни нормального жилья, ни денег,
 ни мастерских, ни специалистов... Усло-
 вия жизни открывали «простор для вся-
 кого своеволия, для проявления одичав-
 шей в своём одиночестве личности». Ма-
 каренко в «Поэме» пишет, что за всю
 жизнь не прочитал столько педагогичес-
 кой литературы, сколько зимой 1920 го-
 да. «У меня главным результатом этого
 чтения была крепкая и почему-то вдруг
 основательная уверенность, что в моих
 руках никакой науки нет и никакой тео-
 рии нет, что теорию нужно извлечь из
 всей суммы реальных явлений, происхо-
 дящих на моих глазах». И делает заклю-
 чение: «Мне нужны не книжные форму-
 лы, которые всё равно не могу привязать
 к делу, а *немедленный анализ и немед-
 ленное действие*». Вот почему он был
 так внимателен ко всем деталям жизни
 воспитательного учреждения, к реальным

1

Советская педагогика. 1990.
 № 10. С. 127.

2

Негретов П.И.
 В.Г. Короленко. Летопись
 жизни и творчества.
 1917–1921. М., 1990.
 С. 104.

явлениям и фактам. Приведём один из наглядных примеров реализуемого метода Макаренко в годы становления колонии. Вспоминает С.А. Калабалин:

«Помню эпизод, происшедший в 1921 г. Год был тяжёлый, голодный. Нашей колонии приходилось испытывать большие трудности и лишения. Особенно было тяжело с продовольствием. И вот в это время одна воинская часть подарила колонистам сто пятьдесят копчёных кур. Вдруг выяснилось, что одна курица пропала из погреба. Подозрение в хищении могло пасть на доложившего о пропаже колониста Ивана Колоса, заведовавшего погребами и складами колонии.

Антон Семёнович верил в честность Колоса и, чтобы выяснить, кто совершил воровство, приказал дать сигнал общего сбора. В течение трёх минут шестьдесят четыре колониста встали в строй развёрнутой линией. Антон Семёнович вышел к нам из своего кабинета. Ошпарил всех нас своим возмущённым взглядом и заговорил:

— Я думал, что у меня есть коллектив, коллектив товарищей, уважающих себя. Нет. Вы ещё не люди, вы микробы, способные пожирать друг друга. До какой подлости и низости мы дошли с вами, что сами же у себя тащим! Да ещё что — подарок воинов, самих впроголодь живущих и в бой идущих. Ну, не черви ли после этого мы с вами? Так нет же, — я-то ни вором, ни микробом не хочу быть. Я — человек! И моё презрение к воровству поможет мне найти вора. Слышите? Стоять так! Я буду подходить к каждому из вас, а вы смотрите прямо в глаза!

Антон Семёнович направился к правому флангу, и мне пришлось первому посмотреть в глаза. Примерно в середине шеренги он вдруг закричал:

— Выйди из строя! Мерзавец! Тебе больше всех есть хочется?! Ты более нас голоден?! — разносил Антон Семёнович выхваченного из строя нашего товарища по кличке Химочка.

— Я не ел её, — закричал Химочка, — я спрятал курицу!..

От этих слов Химочки мы оцепенели. В голове каждого из нас промелькнула мысль: как же Антон Семёнович узнал вора? Гипнотизёр, — так заключили многие.

Тем временем Химочка принёс курицу, завёрнутую в лопухи.

— Так вот, — обратился Антон Семёнович к Химочке, — ешь! Раз ты её уже взял, прятал её где-то, как хорёк, мы её отдадим тебе на полное растерзание.

Химочка не спешил выполнять распоряжений, медлил, отнекивался.

Антон Семёнович подал команду:

— Колония! Стоять смирно до тех пор, пока Химочка съест курицу!

И сам стал рядом со мной с правого фланга.

Думается мне, что эта минута стоила самого большого напряжения не Химочке, не нам всем, а самому А.С. Макаренко. Он этой командой включил и нас в острый конфликт. Активно включил. На чью же сторону станут эти «серые человеки»?! Разум, общественный интерес взял верх над частным. Мы глазами требовали от Химочки исполнения приказа Антона Семёновича. Химочка начал кушать, а мы все почувствовали облегчение и стали ласково, улыбками подбадривать неудачного воришку..

Во время обеда кто-то из ребят подошёл к Химочке с насмешкой.

— Ты, наверно, наелся курятин, — отдай мне свой борщ!

Через минуту этот шутник уже был в кабинете, и Антон Семёнович журил его:

— Твой товарищ ради всех нас понёс тяжкое испытание. Немного найдётся среди нас готовых совершить такой подвиг, как съесть курицу перед строем своих товарищей как наказание. Химочка вырос в моих глазах, а ты ослеп. Подумай, чудак-человек!

— Я уже подумал, Антон Семёнович. Грубо это у меня получилось. Как вы думаете, простит мне Химочка?

— Не знаю, попробуй и зарекись.. Какой хороший сгусток чувства жизни!

Переписываясь с товарищами по колонии, я поддерживал связь и с Химочкой. В одном из писем, перед самым началом войны, в 1941 г., жена Химочки писала мне: «Всем хорош Ваня: и как муж, и как отец, и ответственный пост занимает, а вот, странное дело, курятины не ест...»

А.С. Макаренко среди коллег и воспитанников

* * *

Следующий важнейший педагогический аспект, имевший значение на период становления колонии имени М. Горького, можно определить как *«свободная инициатива»*.

Из писем А.С. Макаренко к учительнице А.П. Сугак, которая активно пыталась возратить педагога в Крюков: «Всё будет зависеть от того, насколько руководители просвещения окажутся не идиотами и не побоятся передать одну школу в руки свободной инициативы. Но когда у нас в России уважалась свободная инициатива? А пока не будет простора инициативы, никогда не будет новой школы. Это истина».

Коллеги не забыли прекрасного учителя, им было жаль, что он тратит свои силы на малолетних преступников. «Но вся беда в том, что вопрос не решается для меня одним желанием. Я теперь

человек крепкий, такой крепкий, каким Вы меня никак не представляете. Таким меня сделала колония. Вы как раз, сударыня, патетически восклицаете: «Что вам дала колония?» Столько дала, Антонина Павловна, что Вам и не приснится никогда. Я сделался другим человеком, я приобрёл прямую линию, железную волю, настойчивость, смелость и, наконец, уверенность в себе...Трёхлетний колонийский опыт — это вся моя будущая работа. Что бы я ни сделал потом, начало всё-таки нужно будет искать в колонии. И даже не только в том смысле, что я здесь чему-то научился и что-то пережил, но ещё и потому, что здесь я сам над собой произвёл огромный важный опыт», — пишет Антон Семёнович.

Там, под Полтавой, в колонии для правонарушителей, используя возможности *«свободной инициативы»*, А.С. Макаренко удалось осуществить свой социально-педагогический проект. Он создаёт новое детское сообщество, разрабатывает принципиально новую теорию реабилитации и воспитания этих детей. Через активное изменение условий жизни и саму жизнедеятельность, не ломая характеров ребят, он смог привить им дух общности, дух гуманизма. Он жил с ними одной жизнью и, уча их, учился сам. В повседневной своей практике стремился не только понять их, но и приподнять, высветлить в них человеческое, доброе, порядочное.

В письме к Сугак Антон Семёнович признаётся, что сами они в колонии *«до того рассобачились»*, что затеяли суд с самим Госконтролем и надеются его выиграть. «Всё это так весело, что Вы себе и представить не можете». Вот что ещё открыл он: воспитателем в таком коллективе быть очень легко и жить в нём, несмотря на катастрофическое недосыпание и внешние препятствия, очень весело.

* * *

Его первые воспитанники были не только трудными, но и опасными подростками. Причина тому — жестокая борьба за существование на протяжении нескольких

лет. «Видели ли вы когда-нибудь ребёнка — преступника? По-видимому, видели, да и не одного. Жизнь больших городов, жестокая борьба за существование, убожество рабочих окраин и наряду с этой бедностью шуршащая жизнь городских улиц со своими искушениями — всё это изуродовало не одну детскую душу.

Но пробовали ли вы всмотреться в души этих молодых преступников, подойти к ним поближе, просто, по-человечески; думали ли вы о том, как можно в современной, ещё довольно трудной жизни, без больших средств и помощи со стороны, привлечь их к труду, к полезной работе, не навязывая её им, а доказывая, что она вытекает из самой неизбежности живой творческой жизни в обществе?

И если не пробовали — то послушайте, что сделал коллектив педагогов, заинтересованный этим делом, в условиях нашей, бедной ресурсами, но богатой возможностями и большим энтузиазмом, реальной действительности»³.

«Счастлирое детство — не значит беззаботное», — считал А.С. Макаренко, поэтому «основанием русской школы должен сделаться не труд-работа, а труд-забота». *Школа как хозяйство* — вот откуда «крепкая дисциплина, не связанная с гнётом», вот отчего «весёлый тон», истинное самоуправление, а не игра в него, привычка к труду и развитость экономического мышления.

Школа-хозяйство призвана культивировать труд как главную ценность и смысл жизни. «Два года без всякого просвета мы по кирпичику, по травинке строили нашу колонию, каждый день мы продвигались вперёд» — с этого начиналась «забота» всех и каждого, необходимость проявления организаторских качеств и способностей у детей и подростков.

Вспоминает С.А. Калабалин:

«Весной 1922 г. я возглавлял сводный отряд «ВН» — вывозка навоза.

— Ну и вонючий же этот граковский труд! — заметил я подошедшему к нам Антону Семёновичу Макаренко. —

Стоишь по колено в этой гадости, а от вони аж ноздри лопаются. Только и радости, что ноги, как в печке, — тепло.

— Да, труд действительно не сладкий. Тяжёлый труд. Наломает спину, наглотаешься запахов и грязи помесишь, пока наконец насладишься ароматом хлеба, — отозвался Антон Семёнович.

— Как вспомнишь эту каторгу, так и пряника с мёдом не захочешь, — откликнулся Ваня Колос, вогнав вилы в сочную кучу навоза.

— Так, может, хлопцы, бросим это грязное дело, может, других ребят назначим? — предложил Антон Семёнович.

— А другие хлопцы, что, не люди? — сказал Вася Галатенко и продолжал: — А что будем есть, где хлеба возьмём, если не будем копать в этом навозе?

— Так вот и я думаю, Василь, — сказал Антон Семёнович, — придётся попачкаться, а уж когда вырастим пшеницу да уберём, да свезём в скирды, да смолотим, да смелем, да напечём пиროгов, да сядем за столы — вот тогда и наедемся, и отдохнём, и не забудем, и не проклянём сегодняшний день, а торжественно поклонимся ему. И полюбите вы результат своего труда, а вас любят все жители колонии. Так-то, хлопчики, а пока — сколько уже возов? Норму выполняйте, а может, и перевыполните?

И пошёл Антон Семёнович на зов с другого рабочего места.

В первые годы становления колонии мы, воспитанники, а вместе с нами и наши наставники очень много трудились. Заготовка дров в лесу, ремонт зданий, работа в мастерских и особенно большая работа на огородах и полях. Мы понимали, что работа нужна для нашей жизни, для лучшей жизни нашей страны. Мы гордились результатами нашего труда, мы уже сознавали, что наш труд имел государственное значение. В колонии, кроме воспитателей-учителей, завхоза, повара, кастаньянши, одной прачки и специалиста-огородника, никого больше не было. Всё делали сами колонисты. Со временем, когда сельское хозяйство располагало

уже 65 десятинами пахотной земли, обзавелись солидным поголовьем скота. Когда сельское хозяйство стало основным источником нашего материального благополучия и очагом профессионального обучения, в колонию был приглашён талантливый воспитатель и высокой культуры агроном-новатор Н.Э. Фере.

Группа колонистов-горьковцев. Справа — здание школы-колонии им. Горького.

Столярной мастерской, в которой работало много воспитанников, руководил квалифицированный инструктор-белодеревщик. При обучении мы делали для своих нужд несложную мебель: табуретки, скамейки, столы.

В мастерской, в поле и на других объектах мы делали нужные вещи, мы не ждали, что нам их дадут. Мы не нахлебничали. Мы сознавали, что чем скорее сделаем то, в чём испытывали нужду, тем удобнее будет наша жизнь, уютнее, сытнее. И самая неприятная работа воспринималась, прежде всего, как необходимая, обязательная.

Результаты своего труда мы берегли, любовались и гордились ими.

Говоря о прошедших годах, невольно вспоминаешь о своих друзьях-колонистах. Некоторые из них успели полюбить кто специальность хлебороба, кто животновода, кто столярное дело, кто театральное.

Как-то после тяжёлого трудового дня мы сидели усталые под только что смётанным стогом. С нами был и Антон Семёнович. Я почти дословно помню, как он в тот вечер сказал:

— Труд — это самое высокое назначение человека. Вызывая мускульное утомление, он активизирует работу мозга. Не добровольной любви он требует, а обязательного долга. Этому долга требуют от вас как старшее поколение, так и поколения ваших детей. Труд, он как воинский долг. Не по любви идут под ружьё, а по долгу гражданскому. Одни несут этот воинский долг с патриотической преданностью, но мечтают по окончании службы вернуться к любимому гражданскому делу. Другие за годы службы в армии начинают любить воинское дело и посвящают ему жизнь. Скажу вам, хлопцы, что я не мечтал в детстве стать учителем, я глядел влюблёнными глазами на малярное ремесло отца и собирался стать маляром. А стал учителем. В свою профессию я влюбился только на пятом году работы и, как мне кажется, скорее всего влюбился в дело воспитания, и это уже на всю жизнь... Да, дело, которое ты признал своим, которое ты полюбил, становится смыслом твоей жизни, источником радости.

Как выглядел рабочий день в колонии имени М. Горького?

Учёба — 4–5 часов; работа в поле, мастерских и прочих объектах — 4 часа, а в горячую пору полевых работ и по 6–8 часов; спортивно-подвижные игры — 2 часа; свободное время (мы называли это время «ленивцев») — 1,5–2 часа.

И в это время сидели группки мечтателей-сказочников, читали книги, играли в шахматы, любители театра готовили очередной спектакль.

И ещё одна прелесть рабочего напряжения, это уже чисто общественного плана, — частые ночные дозоры по борьбе с бандитизмом. К этой тревожной работе привлекались только общественно-трудовые активисты».

В статье «Через труд и самоорганизацию — к новой жизни» (1925 г.) А.С. Макаренко писал: «Разве не чудо — пять прежде совсем разрушенных строений вместе с пристройками без каких-либо средств отремонтировал, оборудовал и восстановил (правда, ещё убо-

го) сам коллектив! Разве не чудо — сорок десятин великолепно обработанной земли (200 пудов пшеницы с десятины) — там, где когда-то во времена Гражданской войны и революционного вихря произрастал только чертополох...

Восемь лошадей, две жатки, две сеялки, конная молотилка, веялки и много другого — это вам, братцы, не шутка! И совсем не шутят 63 свиньи аглицкой породы, 3 дебелие коровы, столько же десятков гусей, два десятка овец, полсотни кролей и т.п., которые всё время хрюкают, мычат, блеют и другими звуками наполняют и без того бойкую и звонкую жизнь колонии».

Воспитанники колонии имени М. Горького чувствовали себя полноценными хозяевами своего производства, которым они учились управлять. В процессе совместной работы между ними складывались особые отношения, связывающие их общей ответственностью и общим стремлением к достижению поставленных целей.

Таким образом, педагогическая система А.С. Макаренко сочетала в себе производительный труд воспитанников в рентабельном, технически оснащённом сельском хозяйстве с обучением в неполной средней школе и организацией культурного досуга.

Из статьи А.С. Макаренко «Очерк работы Полтавской колонии им. М. Горького» (1925 г.): «Мы имели возможность не зарыться в хозяйстве, не сделались его рабами...»

«Хозяйство должно рассматриваться нами прежде всего как педагогический фактор. Его успешность, конечно, необходима, но не больше всякого другого явления, полезного в воспитательном отношении. Проще всего, в хозяйстве должны превалировать педагогические задачи, а не узкохозяйственные...»

«...только переживание хозяйственной заботы может дать мощные толчки, с одной стороны, для восстановления нужных нам качеств коллектива, а с другой — для логического оправдания норм поведения личности в коллективе. А как

раз качество коллектива и нормы поведения личности в коллективе являются местом, где располагаются наши цели».

«Всё человеческое в человеке должно быть воспитано»

Это позиция, которой придерживался А.С. Макаренко. Он считал, что мало «исправить» человека, необходимо воспитать его так, чтобы он стал активным деятелем новой эпохи. А для этого требовалась организация воспитательного процесса, направленного на совершенствование личности ребёнка. Без такого подхода к детям невозможны истинный гуманизм, уважение к достоинству человека, его творческим возможностям и перспективам. Индивидуальную работу Антон Семёнович видел не в «возне» с ребёнком, а в поиске и использовании таких его особенностей, которые способствуют активному включению в жизнедеятельность коллектива. В статье «Цель воспитания» Макаренко пишет: «Каким бы цельным не представлялся для нас человек в порядке широкого отвлечения, всё же люди являются очень разнообразным материалом для воспитания и выпускаемый нами «продукт» тоже будет разнообразен. Общие и индивидуальные качества личности в нашем проекте образуют очень запутанные узлы. Самым опасным моментом является страх перед этой сложностью и этим разнообразием...»

А.С. Макаренко предупреждал, что недопустимо стремление стричь всех под одну гребёнку, недопустима также другая крайность — пассивное следование за каждым индивидуумом, безнадёжная попытка справиться с миллионной массой воспитанников при помощи разрозненной возни с каждым человеком в отдельности. Поэтому наряду с общей программой воспитания личности в коллективе необходим «индивидуальный корректив». Основной путь методики индивидуального воздействия Макаренко видел в чётком определении целей воспитания, в проектировании личности каждого воспитанника.

Процесс проектирования может быть успешным лишь тогда, когда к нему привлечены не только взрослые, но и сам ученик и его товарищи. При этом нужно верить в возможности воспитанника, уметь найти в нём положительные черты и, опираясь на них, формировать его личность.

При составлении «проекции» отдельного воспитанника Антон Семёнович особое внимание уделял постановке перспективы. Причём он умел ставить такие цели, для достижения которых не-

обходимо было эмоциональное и волевое напряжение.

В образовательной практике советского периода предпочтение было отдано одной форме общности людей — коллективу. Но использовался он только как инструмент, с помощью которого педагог поддерживал необ-

ходимый порядок и дисциплину. Коллектив заслонил личность ребёнка. Это девальвировало понятие «коллектив», неправомерно сузив его значение.

А.С. Макаренко, предвидев подобное, писал: «В погоне за кажущейся стройностью систематики, за возможностью написать какую-нибудь классификацию авторы почти не замечают живого коллектива и его характернейших признаков. И тот коллектив, который смотрит на нас с книжных страниц, — это что-то в высшей степени невыразительное, расплывчатое и пассивное. Взаимодействие и совокупное реагирование — это что-то даже не человеческое, не социальное, от него на десять вёрст несёт биологией, это стая обезьян или колония полипов, что хотите, но не коллектив людей, не человеческая деятельность».

Детский коллектив — это не придуманное кем-то средство воспитательного воздействия и подчинения, а общность, в которой есть отдельные дети, самобытные личности с индивидуальным характером, с неповторимым жизненным опытом. Основой объединения людей становятся общность взглядов, позиций, единство целей.

В начале 30-х годов А.С. Макаренко выделяет коллектив из других видов социальной организованности. Представляя его как организованное целостное объединение со своей структурой, он формулирует принципиальное различие между «группой» и «коллективом». «Наша колония представляла собой, — писал А.С. Макаренко, — свободное объединение людей, здесь никого не заставляли жить насильно». Величие А.С. Макаренко, как утверждает учёный из США М.Ю. Красовицкий, в том, что его концепция обеспечивает и сегодня (после неизбежных и обязательных поправок на изменившееся время) надёжные подходы к решению поистине общечеловеческого значения проблемы, а именно: люди, по необходимости объединившиеся в общности, будут вечно мучиться и ошибаться, всякий раз стараясь найти некое неустойчивое равновесие между претензиями «отдельного» и условиями выживания «родового».

Передовая отечественная педагогика практически доказала, что в условиях организованного коллектива ребёнок, подросток становится активным субъектом происходящих процессов. Субъектно-активная позиция связывает воедино и межличностные отношения, и деятельность, и целевые установки, создавая в общности определённый стиль жизни, психологическую атмосферу, имеющую вполне самостоятельную как реабилитационную, так и воспитательную ценность. Коллектив, как указывал А.С. Макаренко, — это контактное сообщество. Здесь все должны знать друг друга и должны находиться друг с другом в определённых ответственных отношениях.

Пацаны коммуны им. Дзержинского

Отвечая на вопрос о том, что такое коллектив, А.С. Макаренко говорил: «Коллектив есть целестремлённый комплекс личностей, организованных, обладающих органами коллектива. А там, где есть организация коллектива, там есть органы коллектива, там есть организация уполномоченных лиц, доверенных коллектива, и вопрос отношения товарища к товарищу — это не вопрос дружбы, не вопрос любви, не вопрос соседства, а это вопрос ответственной зависимости. Даже если товарищи находятся в равных условиях, идут рядом в одной шеренге, исполняя приблизительно одинаковые функции, связываются не просто дружбой, а связываются общей ответственностью в работе, общим участием в работе коллектива».

Создать отношения руководства и подчинения — это, по выражению педагога, «наибольшая хитрость в детском коллективе, наибольшая трудность». Эти отношения есть отношения равноправных членов коллектива, где требуется умение приказать товарищу и подчиниться товарищу. Здесь деловые и личные отношения могут сталкиваться, так как деловые основаны на интересах дела, интересах коллектива, а личные — на личных симпатиях и привязанностях. Но объективные противоречия между личным и коллективным разрешаются в рамках хорошо организованного самоуправления. Чем содержательнее, ярче и многообразнее жизнь детского коллектива, тем более широкой может быть сфера действия самоуправления: каждый становится в активную позицию и действует самостоятельно, испытывая чувство ответственности за правильное решение возникающих в жизни проблем.

Самоуправление в условиях образовательного учреждения — важнейшее средство воспитания, способствующее активному включению учащихся в организацию разнообразной и интересной жизни детского сообщества. Оно создаёт благоприятные условия для воспитания у школьников самостоятельности, иници-

ативы, умения соотносить свои дела и поступки с делами своих товарищей, для формирования управленческих навыков. Руководство органами школьного самоуправления должно составлять главную заботу директора, — считал А.С. Макаренко. Следует заметить, что современные руководители школ не признают такого руководства, поэтому им так трудно даётся подлинное самоуправление, которое вырастает из интересов детей и подростков, из их потребности самим защищать свои интересы и права.

В подростковом возрасте особенно высока потребность в самореализации. Образ жизни в этом возрасте часто сопровождается эксцентричным поведением, возможно, таким образом восполняется дефицит нравственности, недополученной в школе и в семье. Поэтому усилия педагогов следует направлять на интегрирование неорганизованной детской среды в смысловое пространство духовных ценностей и способов деятельности, не навязывая подросткам свою волю, а умело привнося необходимые образцы поведения.

Таким пространством может быть детско-взрослое сообщество, воспитательный и реабилитационный потенциал которого весьма велик и разнообразен. Детско-взрослое сообщество как коллектив не создаётся произвольно. Это целесообразный процесс объединения людей для совместной выработки и реализации законов, традиций, ценностей и смыслов жизнеустройства. Организуя детско-взрослую общность как единый коллектив, важно не только понять саму идею, но и сохранить всё лучшее, что оправдало себя в образовательной практике педагогов-гуманистов, что востребовано временем. Пора возвращаться к нашим истокам, вспомнить всё то, что мы умеем делать хорошо, что требуется сберечь и развить. Это и есть выход воспитания из затянувшегося кризиса.

Москва